

ВИКТОР МАЗИН

Сопротивления психоанализа 1925–2010¹

Не сегодня

В этой статье мне хотелось бы сопоставить сопротивления психоанализу с точки зрения Фрейда в 1925-м с тем, что представляется сопротивлениями психоанализу сегодня, в 2010 году.

Фрейд пишет статью «Сопротивления психоанализу» в сентябре 1924 года. Обратим внимание на ее название. Речь здесь идет не о «сопротивлении психоанализу», как гласит благозвучный русский перевод, а о сопротивлениях во множественном числе. Сопротивление — не одно. И «не одно» не в одном смысле. Статья опубликована в марте 1925 года, сначала по-французски, в женевском «*Revue Juive*» (Еврейском обозрении). Фрейд, кстати, был членом редакции этого журнала. Возможно, именно местом публикации объясняется самый последний абзац статьи, своего рода отложенный напоследок еще один вероятный фактор сопротивления психоанализу: «автор должен в очень сдержанной форме наметить вопрос о том, не способствовало ли антипатии окружающего мира [*der Antipathie der Umwelt*] к психоанализу то обстоятельство, что сам он был евреем и никогда не скрывал своего еврейского происхождения» [21]².

По-немецки статья вышла в журнале «*Imago*» в том же 1925 году. С тех далеких пор некоторые сопротивления, похоже, ослабли, другие, напротив, усилились. Более того, появились новые идеологические причины для сопротивления. Идеологическая картина, в которой пребывает психоанализ, достаточно радикально изменилась. Кроме того, сопротивления эти во многом были и остаются феноменом не только «внешним», но и «внутренним». Можно сказать, что психоанализ подвергается атаке не только и не столько извне, сколько изнутри.

¹ Ранний вариант статьи опубликован в киевском журнале «*Психоанализ*» (2005. — Т.1. №6).

² Номера в квадратных скобках в тексте указывают на номер абзаца статьи Фрейда «Сопротивление против психоанализа» в: *Фрейд З. Психоаналитические этюды.* — Одесса, 1926 / Пер. Я. М. Когана. Переиздание: Минск: Попурри, 1997. Перевод изменен мной. — В. М.

Пределы

Итак, сопротивления во множественном числе. Обобщая, можно представить три разных фронта сопротивлений. *Во-первых*, можно говорить о сопротивлениях психоанализу со стороны внешней, непсихоаналитической, со стороны науки, медицины, средств массовой информации. *Во-вторых*, о сопротивлениях внутренних, исходящих от самих психоаналитиков. Это сопротивление связано с вопросом о пределах психоанализа, о границах, которые никому так и не удалось провести, что, как, возможно, мы увидим, не случайно. Внутреннее сопротивление психоанализу предопределено различными школами, направлениями, языками психоанализа. Внутреннее сопротивление психоанализу — сопротивление психоанализу от имени психоанализа.

Наконец, *в-третьих*, сопротивление, конечно же, сначала было обнаружено Фрейдом как феномен клинический. Клиническое сопротивление — линия фантазматического фронта в психоаналитическом кабинете. Значимость этого направления сопротивления, роль проработки сопротивлений — вопрос для психоанализа жизненно важный. Можно сказать, что именно превращение сопротивления *из препятствия* анализу *в средство* анализа стало одним из оснований рождения психоанализа. Исходя из препятствия — нежелания вспоминать патогенные воспоминания — и формулирует Фрейд сопротивление в «Толковании сновидений»: «Все, что мешает продолжению работы, есть сопротивление». Все, что мешает со-трудничеству аналитика и анализируемого — со-противление. Все, что препятствует вспоминанию воспоминания — сопротивление.

Впоследствии Фрейд приходит к идее гомологичности сопротивления, с которым психоаналитик сталкивается на психоаналитическом сеансе, сопротивлению, с которым психоанализ встречается как дисциплина. В 1932 году в 34-й лекции по введению в психоанализ Фрейд указывает: «Я впервые применил психоанализ, объяснив себе поведение массы феноменом того же самого сопротивления, с которым я боролся у отдельных пациентов». Уже в 1925 году Фрейд убежден: «Люди в массе относятся к психоанализу так, как к нему относятся в отдельности невротик» [17]. Основанием для этой убежденности послужила аналогия между отдельно взятым субъектом культуры и культурой в массе: «В этой ситуации есть одновременно и нечто пугающее, и нечто утешительное, первое — потому, что иметь в качестве пациента весь род людской — не мелочь [*keine Kleinigkeit*]; второе — потому, что, в конце концов, все произошло именно так, как и предполагал психоанализ» [18]. В своей статье, посвященной «сопротивлениям психоанализа»³ Жак Деррида выводит закон сопротивления, который он называет «полэрос» или даже «полэрос» как синтез полемоса и эроса, закон соблазнения, давления, внушения. Не является ли сопротивление ответом внушению?

³ См. в этом номере «Логоса».

Внушения Фрейд как раз стремился избежать. Уже в 1889 году у Бернгейма он увидел «глухую враждебность этой тирании внушения. Когда больной сопротивлялся и на него кричали „Да что же вы делаете? Вы себя противовнушаете“, то я говорил себе, что это явная несправедливость и насилие. Человек, конечно же, имеет право на противовнушение [*Gegensuggestionen*], если его пытаются подчинить путем внушения».

Между тем именно неанализируемое, остаток, сохраняющийся после частичного снятия, ослабления сопротивления, отличает психоанализ от внушения. Лакан вслед за Фрейдом настаивает на том, что психоанализ должен с уважением относиться к праву субъекта на сопротивление внушению, сопротивление решению, сопротивление полеросу. Уважение к праву на сопротивление делает парадоксальными «слова о том, что аналитическая техника в первую очередь имеет своей целью силой преодолеть сопротивление субъекта»⁴. Самое главное для Лакана в сопротивлении субъекта внушению состояло в том, что сопротивление есть «не что иное, как желание поддерживать его [субъекта] желание. В качестве такового его можно отнести к позитивному переносу, поскольку это желание, которое поддерживает ход анализа...»⁵. Здесь кроется парадокс двойной связи: психоаналитику необходимо преодолевать сопротивление, но их преодоление — есть ловушка его собственного решения.

Что же такое сопротивление психоанализу? Свой ответ Фрейд уже дал. Он «сам воздерживался от полемики и оказывал влияние в том же направлении на своих сторонников». Он сам воздерживался от полемики и соблазна. Он сам стремился остаться в стороне от полероса. Он указал на это направление своим сторонникам.

Сегодня—2

Чтобы понять ситуацию с психоанализом сегодня, необходимо не только подвергнуть анализу сопротивление сегодняшнего дня, но и их развитие в прошлом. Иначе говоря, парадигма сегодняшнего положения психоанализа связана *не только* с сегодняшней конфигурацией идеологий «вообще», но и необъяснима вне исторического понимания того, что происходило с психоаналитическим движением, с тем, что происходило в 20-е годы XX века и в последующие десятилетия.

О чем же пишет Фрейд в двадцатые годы? Прежде всего: нет никакого Фрейда двадцатых годов! Мы не можем совершить прыжок во времени и увидеть Фрейда в 1924 или 1925 году. Мы все равно воспринимаем его сквозь призму сегодняшнего дня, сквозь призму Мишеля Фуко и Жака Лакана, Владимира Гранова и Феликса Гваттари, Элизабет Руди-

⁴ Лакан Ж. Семинары. Кн. 1. — М.: Гнозис / Логос, 1998. — С. 41–42.

⁵ Lacan J. La direction de la cure et les principes de son pouvoir // *Écrits*. — Paris: Seuil, 1966. — P. 636.

неско и Жака Деррида, Жана-Франсуа Лиотара и Джона Форрестера, Серджио Бенвенуто и Рене Мажора. В этом смысле Фрейд — наш современник. А его разноречивость, его выпадение из современного ему времени делает его постсовременным. Более того, если Фрейд оставил открытую систему⁶, если психоанализ пересобирается каждый раз заново в зависимости от сингулярного случая, если всегда уже остается место для других истолкований, если всегда уже сохраняется неанализируемый остаток (пуповины сновидения), то брэнды типа «ортодоксальный психоанализ», «классический психоанализ» и даже «фрейдовский психоанализ» оказываются абсурдными и представляют собой не что иное, как сопротивление психоанализу.

Отношение к новому

Фрейд начинает работу с отношения к новому младенца, суеверного, крестьянина:

Когда грудной ребенок, находясь на руках у няни, с криком отворачивается от незнакомого лица, когда набожный человек начинает новый день молитвой или благословляет плод, который он впервые вкушает в этом году, когда крестьянин отказывается купить косу, на которой нет одобренной его родителями фабричной марки, — то различие всех этих ситуаций очевидно, и было бы, по-видимому, правильно искать отдельный мотив для каждого из них [1].

Весьма своеобразно Фрейд приводит три примера не для того, чтобы указать на сходство неодинаковых, на первый взгляд ситуаций, но чтобы заключить об их различиях. Для наших рассуждений этот момент принципиальнейший: *психоанализ работает с сингулярностями*. После неожиданного различающего хода Фрейд все же обращается к аналогии и обнаруживает кое-что общее для всех трех случаев, а именно неудовольствие, причиняемое «теми требованиями, которые предъявляет к душевной жизни *новое*, та психическая затрата, которой оно требует, та повышенная неуверенность, которую оно приносит с собой и которая может доходить до ожидания, исполненного страха» [2]. Линия рассуждений здесь такова:

новое → неуверенность → трата/расход → ожидание → страх.

⁶ В 1914 году в «Автопортрете» Фрейд, различая свой подход от теорий Юнга и Адлера, говорит о своем стремлении пройти между бессистемностью и жесткой системой, т. е. по сути дела пишет о желании создать открытую систему, в которой «концепты соотносятся с обстоятельствами, а не с сущностью». Открытость фрейдовской системы настоятельно подчеркивает и Лакан: «Мысль Фрейда более чем какая-либо открыта пересмотру» (*Семинары*. Кн. 1, с. 7), а Фуко вообще называет Фрейда одним из основателей дискурсивности, установившем «некую бесконечную возможность дискурсов». («Воля к истине». — М.: Касталь, 1996. — С. 31.)

Новое нарушает экономику принципа удовольствия, преступает установленный им режим экономии, выводит из равновесия. От этих примеров Фрейд постепенно переходит к психоанализу, но сначала к науке и к ее должному бесстрашию: «В научной области не должно быть места такой боязни нового. В ее вечном несовершенстве и неполноте науке предназначено связывать свое развитие с новыми открытиями и новыми понятиями. Чтобы не быть введенной в заблуждение, она поступает правильно, вооружившись скептицизмом, не принимая ничего нового, не подвергнувшись строгой проверке» [3]. Но скептицизм оборачивается своей другой стороной: «Он резко ополчается против нового, в то время как почтительно относится и щадит то, что уже известно и заслужило его доверие, и он довольствуется тем, что отбрасывает новое еще прежде, чем исследует его. Но тогда он предстанет перед нами как продолжение примитивной реакции на новое, как личина для сохранения ее» [3].

Априорное отбрасывание нового сближает научный консерватизм с повседневной реакцией ребенка, набожного и крестьянина. Научному миру, в котором, казалось бы, «не должно быть места такой боязни нового», оказывается свойственна неофобия. Соппротивление — покров [*ein Deckmantel*] неофобии, отмеченной нарушением экономики принципа удовольствия. Фрейд говорит, что сопротивление, с одной стороны, связано с содержанием нового, с другой, — оно приводит в действие «некоторые моменты для того, чтобы сделать возможным прорыв примитивной реакции» [3]. Новое — лишь отверстие для прорыва старого. Новое может вызывать сопротивление не только как что-то новое, но как хорошо забытое старое. Иначе говоря, новое может вызывать страх как *хорошо известное неизвестное*, как возвращающееся вытесненное, как до боли знакомое нераспознаваемое, как жуткое [*unheimlich*].

Что может вызвать это жуткое чувство при встрече с психоанализом? «Соппротивления психоанализу» указывают на, по меньшей мере, три комплекса, три мыслительные сферы: сексуальности, культуры и нарциссизма. Иначе говоря, все обращается вокруг того, что делает человека человеком. Все вращается вокруг трех травматических зон. Сопротивление вызывают сами механизмы субъективации. Субъект рождается в сопротивлении. Субъект рождается в культуру в сопротивлении культуре, в реорганизации либидо, в социализации нарциссизма.

Мегапретензии психоанализа

Психоаналитические теории очень рано стали обсуждаться далеко за пределами вопросов клиники, терапии, психологии. Если поначалу значение психоанализа «было чисто терапевтическим», то постепенно он «стал претендовать на то, что вообще перевел наше понимание душевной жизни на новый базис и поэтому стал важен для всех

научных областей, основанных на психологии. После десяти лет полного пренебрежения он превратился вдруг в предмет всеобщего интереса и вызвал бурю негодующего отрицания [*einen Sturm von entrüsteter Ablehnung*]» [4].

Вот в чем проблема, точнее две: психоанализ стал претендовать на роль метанауки, или, по крайней мере, на роль философии, и, якобы заняв место метанауки, он стал подрывать основы «всех научных областей, основанных на психологии». Психоаналитическая модель субъективности не могла не оказать влияния, по меньшей мере, на гуманитарные науки, науки о субъекте. В последние десятилетия XX века психоанализ перестал претендовать на роль метадискурса. Большой Нарратив «Психоанализ», как сказал бы Жан-Франсуа Лиотар, утратил свои мегаломанические претензии узаконивающего метадискурса. Последний нарратив, претендующий на роль метадискурса, — так называемая либеральная демократия. Она и обуславливает существование психоанализа, и подвергает угрозе его существование в условиях господства технонауки.

От науки к технонауке: страсти по новому

Сегодня, в отличие от эпохи Фрейда, наука устремилась в погоню за новым. Теперь уже речь идет не столько о науке, сколько о технонауке и сциентизме. Теперь «жажда нового поддерживается» не только «ответственными за прогресс влечениями». Сейчас жажда нового поддерживается статусом технонауки в рыночной экономике. Вопрос, является ли психоанализ наукой, также приобретает совершенно иной оттенок. Психоанализ может быть наукой в связи с вопросом не об истине, а лишь об эффективности. Эффективность — критерий истины!?

Со времен Фрейда изменились не только диспозиции науки и психоанализа, но и та идеология, в которой конституируется и существует индивид. Место конфликтного трагического субъекта (психоанализа) занял поведенческий индивид (бихевиоризма, когнитивной психологии). Так что слова Лакана, произнесенные им в 1954 году, зазвучали в начале XXI века с еще большей силой: «Современный человек стал поистине не способен затронуть такие значительные темы. Он предпочитает разрешать вопросы в терминах поведения, адаптации, групповой морали и прочего вздора. Откуда и вытекает вся серьезность проблемы подготовки аналитика, с точки зрения формирования его как человека»⁷.

Между тем неоднозначность отношения Фрейда к науке конца XIX века предписана и раздвоением самого Фрейда на Фрейда-ученого и Фрейда-писателя, Фрейда-ученого и Фрейда-психоаналитика. Фрейд — сам продукт научного мира. И все же Фрейд-психоаналитик рождается

⁷ Лакан Ж. Семинары. Кн. 1. — С. 264.

в отходе от научного описания психического аппарата языком строгой науки, физики. Психоанализ появляется в разрыве между психическим и физическим. Об этом нам напоминает и само слово «психо-анализ» — между мифологией (Психея) и наукой (химией). Фрейд отходит не только от органической модели классической психиатрии, но и от психогенной модели Шарко, чтобы водрузить психоанализ на зыбкую почву субъективности, памяти, вытеснения.

У психоанализа оказывается невыносимый статус, точнее меж-статус. У него — промежуточное место, между-место, между-местие, *Zwischen-stellung*. При этом «промежуточное место [*Mittelstellung*], занимаемое психоанализом между медициной и философией, оказалось только невыгодным для него» [9]. Неопределенность не способствует прибыли. Ни то ни се не идет на пользу. Вот и посылают медики психоаналитиков к философам, а философы — к медикам. Психоанализ — не медицина. Психоанализ — не философия. Психоанализ — психоанализ. Психоанализ появляется в результате отказа Фрейда в 1897 году от материальности травмы, отказа от самого научного представления «на самом деле». Вспомним еще раз, — психоанализ появляется в размежевании с миром науки, декларированном в «*Толковании сновидений*». Смысл психоанализа учреждается в субъективности его истины. Истина не предшествует субъекту. Она конституируется по мере конституирования самого субъекта. В то же время следует отметить, что изменились отношения не только науки с «новым», но и психоанализа с «новым».

Превращение психоанализа в поп-науку

Глядя на столетнюю историю психоанализа, никак нельзя в настоящем времени повторить вслед за Фрейдом, мол, психоанализ «неоспоримо носит характер новизны [*ihr Charakter als Neuheit ist unbestreitbar*]». Со времен открытий Брейера и Фрейда изменилось слишком многое. В частности, уже к середине XX века сам психоанализ по сути дела превратился в поп-науку⁸. Превратился одновременно и в популярную, и в науку.

Поп-онаучивание, поп-сциентизация связана с масс-медиатизацией. Уже в 1925 году Фрейд пишет, что психоанализ «после десяти лет полного пренебрежения стал вдруг предметом всеобщего интереса», т. е. он вызвал отнюдь не только «бурю негодующего отрицания». Под масс-медиатизацией мы подразумеваем и огромное число статей на страницах

⁸ Так определяет специфику психоанализа Джон Форрестер. Впрочем, он придает несколько специфическое значение поп-науке. Для него психоанализ как поп-наука — это гибрид науки с повседневностью, научной аргументации с обыденными, расхожими представлениями. Более того, Форрестер говорит не столько о поп-науке, сколько о поп-культуре — не только о «кинофильмах и телевидении, детективах и авангарде, но и слухах, о наших отношениях с чиновниками, близкими и детьми». *Forrester J. Dispatches from the Freud Wars.* — Harvard UP, 1997. — P. 246.

газет и популярных журналов, и проникновение в литературу, и в изобразительные искусства, и, возможно, в первую очередь, пропитку психоанализом кинематографа. Так или иначе, а говорить о новизне психоанализа больше не приходится. Обыденное представление о психоанализе вытеснило сам психоанализ. Возникла иллюзия всеобщего понимания психоанализа. Формула Фрейда — кто знаком с психоанализом, тот согласен с ним, кто не знаком, не имеет права судить — как будто распространяется на всех. Все с психоанализом знакомы, все имеют право о нем судить. Фрейд как будто предвидел эту ситуацию, когда писал: «Трудно познакомить с психоанализом того, кто сам не является психоаналитиком... Никто не имеет права вмешиваться в разговор о психоанализе, не овладев определенным опытом, который можно получить только при анализе своей собственной личности»⁹. Эта формула связана с мыслью о том, что психоанализу нельзя научить, его нужно пережить. Психоанализ — не наука, и способ передачи психоаналитического знания — не научный. Он не только не наука, но и не профессия [41].

Масс-медиа и психоанализ в России: устарел, но по-прежнему в моде

В России очевидна своя специфика масс-медиаизации психоанализа.

Во-первых, психоанализ как возвращенное наследие, как то, что находилось под коммунистическим запретом, заведомо наделяется ценностью. Масс-медиа благожелательны к возвращенной ценности. Благожелательность в масс-медиальном пространстве во многом как раз объясняется тем разрывом в истории российского психоанализа, о котором принято писать¹⁰.

Во-вторых, в российских психоаналитических кругах поддерживается и не подвергается сомнению идея «пробела в истории», идея того, что пока в России царила коммунистическая олигархия, психоанализ далеко ушел вперед в своем развитии и нужно уже обращаться не к Фрейду, а к тому, что «мы пропустили». Мы ведь уверены в том, что само интересное и важное случилось, пока нас не было. Во время «нашего отсутствия» произошло что-то невероятно важное. Пока нас

⁹ Фрейд З. Продолжение лекций по введению в психоанализ. — 1933 (Введение в психоанализ. — М.: Наука, 1989. — С. 343).

¹⁰ Пробел в истории российского психоанализа — отдельная тема для разговора. Так называемый латентный период в истории развития уже подразумевает скрытое движение. Начинать рассмотрение этого «пробела» можно с того, что сам он неоднороден. В эпоху «развитого социализма», в «брежневскую» эпоху Фрейд скорее не был ни запрещен, ни разрешен (Mazin V. On the Status of Psychoanalysis in Russia // Journal for Lacanian Studies. — 2004. — Vol. 2. — P.1). Так или иначе, а в наделении перестроенного поколения психоаналитиков статусом «первых после-запретных», разумеется, имеется своя выгода, своего рода вторичная выгода от «пробела».

не было, Фрейда исправили и улучшили. Нам нет смысла к нему возвращаться. Нам нужно изучать исправленную и улучшенную версию.

В-третьих, психоанализ в российских психоаналитических кругах строго разделен на классический и современный. Фрейд устарел, но дело его живо. После него пришли умные психоаналитики, которые исправили и улучшили открытия отца и даже дедушки психоанализа. Приноровили его к современности. Что-то исправили, что-то улучшили, а что-то выбросили за ненадобностью.

Вопрос заключается в том, насколько можно говорить о прогрессе мысли, о понимании человеческой души? Если верить в науку о душе, тогда для понимания человека следует читать не устаревшего Шекспира и вообще забытого Гомера, а Павлова и Прибрама. Разве человек стал понимать себя лучше за прошедшие тысячелетия? Если Фрейд устарел, то что уж говорить о Платоне или Гегеле с Марксом? А Эмпедокл, на которого ссылается Фрейд — разве не телега в сравнении со сверхзвуковым самолетом? Зачем же нам читать Фрейда после Когута? Это же все равно, что доверять Ньютону после Эйнштейна?

О «прогрессе» Фрейд пишет: «Когда я думаю обо всех тех безобразиях, которые некоторые аналитики устроили с толкованием сновидений, я легко мог бы пасть духом и признать правоту пессимистического изречения нашего великого сатирика Нестроя, которое гласит: „Любой прогресс всегда велик лишь наполовину того, как он выглядел вначале!“¹¹. Однако мог ли Фрейд представить себе такую ситуацию, в которой психоанализ будет существовать, а ему, Фрейду, в существовании будет отказано? Психоанализ жив, а Фрейд устарел. Психоанализ как бы жив, но без открытий Фрейда.

Итак, одна из самых распространенных в России оппозиций в рамках психоанализа — оппозиция классического (фрейдовского, устаревшего, не работающего) психоанализа и психоанализа современного (исправленного, конкурентоспособного, эффективного).

Чем же отличается «современный» психоанализ от «классического»? Что такое вообще современный психоанализ? Это уже не вопрос массовой медиа, а вопрос, скажем, интрапсихоаналитический, а также педагогический: стоит ли человеку, решившему стать психоаналитиком, читать Фрейда, или лучше сразу заняться современным психоанализом? Можно ли стать психоаналитиком, не читая Фрейда?

Так называемое живое отношение к текстам Фрейда свидетельствует о неизбежном сопротивлении, которое они вызывают, причем не среди тех, кого называют широкой и образованной аудиторией, а в нашем тесном кругу психоаналитиков. Этот факт бросается в глаза. Живым в нашем отношении к его дискурсу оказывается только чувство сопротив-

¹¹ Фрейд З. Проблема дилетантского анализа. — 1926; *Он же*. Избранное. — Ростов-н/Д.: Феникс, 1998. — С. 59

ления, которое он в нас вызывает. Другой альтернативы, кроме отрицания или сопротивления, не имеется, но поскольку это отношение длится столько, сколько продолжается наша жизнь психоаналитиков, то есть наша практика, создается впечатление, что дискурс Фрейда несет в себе нечто, из-за чего он от нас навсегда ускользает. В этом смысле то, что называют «быть фрейдистом», оказывается историей сопротивления психоаналитика учению Фрейда¹².

Брэнд «Современный Психоанализ» — своего рода Совместное Предприятие, в котором психоанализ есть, но его нет; в котором Фрейд есть, но его нет; в котором есть сопротивление психоанализу, но оно уже сломлено. «Современный психоанализ» — психоанализ *без* Фрейда, безопасный психоанализ (подобный «безопасному сексу»), психоанализ без расщепленного субъекта, без бессознательного, уступающего месту безопасному подсознанию. Психоанализ без влечений, без эдипова комплекса, без толкования, без сновидений, без лишних деталей. Психоанализ без психоанализа.

Может быть, в современном психоанализе убрано то, что было в нем лишним, то, без чего можно обойтись? «Здесь нет ничего невозможного, абсурдного или особо глупого. Попросту тенденция желать „обойтись“ не сочетается легко с сущностью психоанализа, бесполезного и необязательного, по крайней мере, покуда он остается тем, что он есть»¹³.

Интересно, что «психоанализ без лишних деталей» существовал уже во времена Фрейда. В 1932 году он пишет:

Новым является также то, что в научном обществе образовался некий амортизирующий слой между анализом и его противниками, люди, которые допускают наличие чего-то ценного в анализе, признают это при благоприятных условиях, зато не приемлют другое, о чем они не могут заявить во всеулышание. Что определяет их выбор, нелегко разгадать. Видимо, это личные симпатии. Одного раздражает сексуальность, другого — бессознательное... То, что здание психоанализа, хотя еще не завершено, уже сегодня представляет собой единство, из которого нельзя произвольно выбрасывать отдельные элементы, этими эклектиками, кажется, не учитывается¹⁴.

Понятие «современный психоанализ» используется в России для самых разных теорий и практик. В масс-медиальном пространстве России это таинственный и модный брэнд. Таинственный, поскольку психоанализ это еще и магия снятия порчи, это еще и способ откупоривания космоэнергетических каналов, это еще и воспроизводство травмы рожде-

¹² *Granoff W. Filiations: l'avenir du complexe d'Edipe.* — Paris: Minuit, 1975; *Гранов В. Будущее эдипова комплекса.* — СПб.: ВЕИП, Речь, 2001. — С. 36.

¹³ *Granoff W. Filiations...; Гранов В. Будущее...* — С. 191.

¹⁴ Продолжение лекций... — С. 387.

ния, и многое другое. Таинственный, поскольку и от психоанализа ждут чуда, мгновенного эффекта, а не затяжного проекта, смысл которого не вписывается ни в религиозную, ни в научную парадигмы. Может быть, — в медицинскую?

Психоанализ и медицина

В «Сопротивлениях психоанализу» Фрейд подробно останавливается не только на вопросе отношений психоанализа и науки, но и психоанализа и медицины. Медик так или иначе опирается на материальный феномен: «Если бы кому-нибудь удалось выделить и доказать наличие гипотетического вещества или веществ при невротических заболеваниях, то его открытие не вызвало бы протеста со стороны врачей. Но пока у нас нет такого пути... Эксперименты Шарко, равно как и наблюдения Брейера, учат, что и физические симптомы при истерии психогенны, т. е. являются осадками протекающих душевных процессов» [6].

Со времен Фрейда произошла радикальная перемена — вещество перестало быть гипотетическим. Например, при депрессии речь идет о нарушении обмена нейромедиаторов норадреналина и серотонина. Теперь помимо психоаналитического понимания депрессии как психических процессов, разворачивающихся вокруг утраты, имеется и строго научная, медицинская точка зрения. Более того, психофармакология всегда готова прийти на помощь и изменить патологический химизм. Прозак — друг и верный помощник твоей собственной биохимии!¹⁵

В «Сопротивлениях психоанализу» Фрейд размышляет о специфике медицинской подготовки: «Медики были воспитаны в духе исключительно высокой оценки анатомических, физических и химических моментов. К оценке психического они не были подготовлены, т. е. они относились к нему безразлично или отрицательно. Они явно сомневаются в том, что психические факторы вообще допускают точное научное толкование» [7].

Через год, в послесловии к «Проблеме дилетантского анализа», говоря о возможной подготовке психоаналитиков на медицинском факультете (один из которых он сам закончил), Фрейд соглашается с тем, что такое образование небесполезно, но чревато тем, «что его [студента-аналитика] интересы, как и его способы мышления, будут удаляться от видения психических феноменов». Вот почему, в конце концов, Фрейд выступает «за самоценность психоанализа и его независимость от медицинского применения»¹⁶.

¹⁵ Мазин В. Великая депрессия // Психоаналитический вестник. — 2002. — № 1.

¹⁶ Фрейд З. Проблема дилетантского анализа. — С. 146, 149.

Психоанализ и терапия

В «Проблеме дилетантского анализа» Фрейд пишет: «Мы вообще не хотим того, чтобы психоанализ без остатка был поглощен медицинской и в своей окончательной форме существовал бы только в учебнике по психиатрии в главе „Терапия“... Психоанализ заслуживает лучшей судьбы...». Фрейд хочет «лишь предотвратить уничтожение науки терапией»¹⁷.

В основании медицины и терапии лежит понятие *лечения*, избавления пациента от *очевидных* симптомов. Применение понятия «лечение» к различным практикам оказывается более или менее удачной метафорой. Подойти к психоанализу с точки зрения «лечения» — значит предъявлять к душевным процессам те же требования, что и к телесным. Под лечением в психоанализе скорее понимается «экзистенциальная трансформация субъекта»¹⁸. Понятно, что о субъекте, его желании, трансформации субъекта говорить сегодня не приходится. Сегодня речь идет о человеке поведенческом, об эффективном, продуктивном индивиде, об объекте маркетинга. Сегодня «депрессивное общество, вписанное в движение экономической глобализации, превращающей человека в объект, не хочет ничего слышать ни о вине, ни о желании, ни о бессознательном»¹⁹. Депрессивный субъект ищет, чем заполнить пустоту своего желания. Или уже не ищет ничего.

Соппротивление в анализе

Соппротивление — неотъемлемая черта аналитических отношений, описывая которые, Лакан говорит, что аналитик позволяет анализанду быть свободным в стремлении к связному дискурсу. Эта свобода переносима менее всего, но аналитик не идет на поводу у анализанда, не удовлетворяет его запросы. Поскольку на пути признания его желания у анализанда нет никаких препятствий, то именно к этому признанию ведет его аналитик. Соппротивление анализанда этому признанию может быть лишь «результатом несовместимости между желанием и речью»²⁰.

Лакан достаточно резко высказывается по поводу того, что «принципы анализа сопротивлений, сколько бы хорошо они ни были обоснованы, привели на практике ко все большему игнорированию субъекта, поскольку непонята осталась их связь с интересубъективностью речи». Обращаясь к анализу Человека-Крысы, Лакан отмечает, «что Фрейд не только не поддался искушению побудить субъекта преодолеть

¹⁷ Там же. С. 140, 150.

¹⁸ Roudinesco É. Pourquoi la psychanalyse? — 1999. P. 156.

¹⁹ Ibid. P. 49.

²⁰ Lacan J. La direction de la cure et les principes de son pouvoir // Écrits. — Seuil, 1966. — P. 641.

себя и рассказать то, о чем поначалу умалчивал — он прекрасно понял, что эта игра в воображаемом направлена на соблазн»²¹. Сопротивление в этом случае оказывается частью стратегии воображаемого соблазнения. Сопротивление вообще оказывается приписанным с этой точки зрения воображаемому порядку и берет в нем свое начало. Объясняется это, исходя из того, что Лакан называет новой линией раздела в психике, появляющейся в «По ту сторону принципа удовольствия»: она проходит не между сознательным и бессознательным, а между стремящимся к самоповторению вытесненным и *собственным я*. Последнее и оказывается источником сопротивления. Фрейд при этом, «отнюдь не игнорируя сопротивление, использует его как благоприятную возможность для возбуждения резонансов речи. При этом он следует, насколько это возможно, своему первоначальному определению сопротивления, используя его таким образом, чтобы субъект сказался в своем сообщении сам»²². Сопротивление не игнорируется, оно пробуждает желание в резонансах речи. Субъект может сказаться в резонансах сопротивления. Субъект — *вопреки* разрывам в речи, вызываемым *собственным я* — в речи этой «требует лишь одного — сказаться, будь то в делах, словах или повторении»²³.

Лакан против превращения борьбы с сопротивлениями в самоцель, в главную задачу психоанализа. Иначе преодоление сопротивлений превратится в простой инструмент утверждения собственной власти, что, разумеется, уводит от действительных целей психоанализа. Этот стиль психоанализа Лакан называет «инквизиторским», поскольку ставящим задачу любой ценой сломить сопротивление клиента и добиться его признания. Одна из причин возникновения такого стиля состоит в том, что многие аналитики и эго-психологи после Фрейда приняли сопротивление за функцию *эго*, а не за аспект речи анализанда, путая тем самым сопротивление с механизмами защиты²⁴. Лакан подчеркивает принципиальную разницу между ними: сопротивления действуют на стороне объекта, защиты — на стороне субъекта. Если защиты — относительно стабильные символические структуры субъективности, то сопротивления — переходные силы, ограждающие объект от поглощения его означающей цепью. Анализируя сопротивление пациента, эго-психолог превращается в агрессора, втянутого в психическую вой-

²¹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. — М.: Гнозис, 1995. — С. 60.

²² Там же. С. 61.

²³ Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. — М.: Гнозис, Логос, 1999. — С. 458.

²⁴ Фрейд, конечно же, сам создал все возможности для такой путаницы. В 1926 г. в книге «Торможение, симптом, страх» Фрейд дифференцирует сопротивления, исходя из второй топикки. Три сопротивления исходят у него из *я* (вытеснение, сопротивление переносу и вторичная выгода от болезни), одно сопротивление — производное *сверх-я* (бессознательная вина и потребность в наказании), и еще одно — от *оно*. В этой книге Фрейд, похоже, сам отождествляет сопротивление и защиту.

ну с пациентом, разворачивающуюся на воображаемой оси интеробъективности. Война эта, на наш взгляд, оказывается совсем уж противоречивой: если она направлена на преодоление сопротивлений, то как это согласуется с позицией укрепления *эго* как очага сопротивлений?

Вспоминая слова Деррида о полеросе, о сопротивлении как сопротивлении решению психоаналитика, скажем еще раз: сопротивление — это прежде всего сопротивление решению аналитика. Лакан настаивает: «сопротивление рассматривается Фрейдом не как нечто, присущее субъекту внутренне, в плане психологическом, а исключительно по отношению к работе истолкования»²⁵. Сопротивление субъекта — это именно сопротивление анализу, сопротивление в анализе, сопротивление, вызываемое аналитиком. В конечном счете, согласно формуле Лакана, «нет иного сопротивления анализу, кроме сопротивления самого аналитика»²⁶. Аналитик сам может оказаться в капкане сопротивления. Главное правило, которому должен следовать аналитик, не желающий увязнуть в сопротивлении, — правило нейтральности, запрет на подталкивание анализанда к прекращению сопротивления.

Психоанализ в окружении культуры

Содержательна ли аналогия между *сопротивлением-в-анализе* и *сопротивлением-в-культуре*? Психоанализ, конечно же, существует в культуре, на ее полях, но при этом *только* на ее полях, на ее пределах. Психоанализ занимает маргинальную позицию в отношении господствующей культуры, ту позицию, которая позволяет ему культуру *испытывать*. Как часть культуры психоанализ не может испытывать ее извне, но может стремиться занимать предельно внешнюю позицию внутри. Здесь содержится парадокс не только места, а точнее: не только междуместия: оказываясь на полях культуры, психоанализ не требует отмены культурных запретов, не требует удовлетворения желаний. Психоанализ не за «раскрепощение наших общественно вредных влечений», но при этом он покушается на общественную мораль, на данность закона. Все дело в нем. Общество не хочет ничего слышать о психоанализе, поскольку «оно создало высокий идеал нравственности (а нравственность — это ограничение влечений)» [14], при этом каждый решает сам, что ему с этими нравственными ограничениями делать, поскольку у общества нет средств вознаграждать «каждого индивида соответственно размерам его отказа от удовлетворения влечений. Таким образом, общество предоставляет индивиду решение вопроса о том, каким путем он может получить достаточную компенсацию за принесенную им жертву, чтобы сохранить душевное равновесие. Но в общем он вынужден психологически жить вне своих возможностей, так как его неудовлетворенные

²⁵ Лакан Ж. Семинары. Кн. I. — С. 183–184.

²⁶ Lacan J. La direction de la cure... — P. 595.

влечения заставляют его ощущать культурные требования как постоянный гнет» [14].

Одна из причин сопротивления психоанализу — его критическая функция в культуре, его нацеленность на раскрепощение речи субъекта, его движение к пуповине сновидения, месту рождения как зоне символизации. Мишель Фуко в «Словах и вещах» пишет: «Фактически психоанализ ближе всего подходит к осуществлению той критической функции, которая, как мы уже видели, внутренне присуща всем гуманитарным наукам. Задаваясь целью заставить бессознательное говорить сквозь сознание, психоанализ устремляется в сторону той основополагающей области, в которой разыгрываются отношения представления и конечного человеческого бытия»²⁷.

Психоанализ поддерживает свое существование, пока не забывает о критической функции, пока не принимается адаптировать человека к репрессивной культуре, пока не обслуживает систему. Удовлетворение запроса другого в анализе может быть чем угодно — удовлетворением спроса, обслуживанием иллюзии, сколачиванием собственного капитала, укреплением иллюзии собственного имиджа — но никак не психоанализом. Отказ от манипуляции лежит в самом основании психоанализа. В 1895 году Фрейд, наследник эпохи Просвещения, говорит не просто о задаче обнаружения патогенных воспоминаний, не просто о нахождении их любой ценой, а, напротив, о *необходимом избегании* при этом гипноза и внушения. В 1918 году он настаивает: «Мы решительно отказываемся от того, чтобы добывать из пациента, который к нам обратился, свою пожизненную ренту, формировать его судьбу, навязывать ему наши идеалы, высокомерно творить его по своему образу и подобию, лепить из него персонаж, который нам по вкусу»²⁸. Уже тогда он чувствует что-то неладное в американской трансформации психоанализа:

мы не можем избежать того, чтобы принимать также и тех пациентов, которые являются беспомощными и неспособными к существованию настолько, что в их случае необходимо не только аналитическое, но и воспитательное влияние; да и во многих других то и дело складывается ситуация, когда аналитик вынужден выступать в качестве воспитателя и советчика. Но это должно осуществляться с большой осторожностью, очень бережно, и больного следует направлять не в сторону уподобления нам, но к высвобождению и реализации своей собственной сущности. Наш уважаемый друг Дж. Путнэм в столь враждебной нам сейчас Америке должен извинить нас за то, что и его требование поставить психоанализ на службу определенному философскому мировоззрению и сделать его целью необходимость облагородить пациента, мы принять

²⁷ Фуко М. Слова и вещи. — СПб.: А-кад, 1994. — С. 392.

²⁸ Фрейд З. Пути психоаналитической терапии; *Он же*. О психоанализе. Пять лекций. Методика и техника психоанализа. — СПб.: Алетейя, 1997. — С. 208.

никоим образом не можем. Я полагаю, что это все же жестокость, хоть и прикрытая благородными намерениями²⁹.

Фрейд прекрасно понимает опасность нарциссической программы «уподобления». Неудивительно, что он полагает, что потворство запросам пациента, облагораживание его, благотворное на него влияние, укрепление его *эго* — суть, прикрытая «высокими идеалами нравственности», жестокость, нарциссическая агрессия под гуманистическим лозунгом.

Итак, именно подобная критика культурных институтов превращает психоанализ в социальную опасность. «Вследствие этой критики психоанализ был воспринят как „враждебное культуре учение“ и предан анафеме „как социальная опасность“ [15]. Однако анафема будет снята. Фрейд выражает уверенность в том, что этому «сопротивлению не суждено длиться вечно; ни один человеческий институт не может надолго ускользнуть от влияния справедливого критического рассмотрения» [15].

Невиданный кошмар Фрейда

Фрейд проявил неожиданный оптимизм. Человеческие институты надолго ускользнули от «критического рассмотрения». Институты оказались даже заинтересованы в критике, поскольку она лишь подтверждает: институты поддерживают «свободу человека» в «свободном обществе». «Критикуйте на здоровье, а мы знаем, что мы делаем, и будем это делать!», «Критикуйте сколько угодно, пока нефть бежит по трубам!», «Критикуйте в свое удовольствие, пока растут банковские счета!»

Чего Фрейд не мог увидеть в своем самом кошмарном сне, так это того, что порабощающая машина заговорит от имени психоанализа. Не мог он увидеть того, что кому-то придет в голову говорить от лица психоанализа на языке капитала. Не мог он представить, что психоанализ будет учить «политическому PR'у» и «бизнес-коммуникациям», что он будет обучать «спичрайтингу», что он будет устанавливать «холдинг с клиентом».

Фрейд не мог себе представить и в кошмарном сне не то, что человеческие институты прекрасно смогут ускользать от «влияния справедливого критического рассмотрения», а то, что психоанализ будет этому всячески содействовать. Могло ли присниться Фрейду, что от имени психоанализа будет разворачиваться инфантильный бред всемогущества? Мог ли Фрейд представить, что психоаналитик поддастся патетике справедливости и задумает влиять через особо важных персон, т. е. персон, облеченных властью и капиталом, на общество? Мог ли он представить себе психоаналитика, разделяющего клиентов на касты и наделяю-

²⁹ Там же. С. 209.

щего себя либерально-олигархическим VIP-статусом? Фрейд представить не мог, но сама идея стара как мир. Идея стать равным Чингисхану и Фантомасу.

Здесь приходит на память один из ранних шедевров научной фантастики в кино — «Токарный станок небес» [*The Lathe of Heaven*], снятый в 1979 году Дэвидом Локстоном по сценарию Урсулы Ле Гуин. Фильм начинается со сновидения молодого человека, о чем мы узнаём, конечно, задним числом (*nachträglich*). В этом сне он переживает ядерный взрыв и, падая, пытается представить, что не умирает, а погружается в сон. То ли во сне, то ли наяву его направляют к онейрологу. Симптом, от которого хочет избавиться молодой человек по имени Джордж Орр — вещие сны, точнее сны, меняющие реальность. Онейролог оказывается типичным шринком, т. е. американским гостерапевтом широкого профиля. Он говорит как психоаналитик, цитирует Фрейда, пользуется кушеткой, специализируется на сновидениях. Впрочем, в сновидения он пробирается совсем не психоаналитическим образом. Доктор Уильям Хэйбер погружает Джорджа Орра в гипнотическое состояние и проникает в его мозг с помощью высокотехнологичной нейроаппаратуры. Техника этого «психоаналитика» будущего — гипносуггестонейроэлектротерапия. Его инквизиторская техника, нацеленная на слом сопротивления, — очевидно допсихоаналитическая, несмотря на всю воздействующую на мозг постпсихоаналитическую нейроэлектроаппаратуру. Его инквизиторская техника четко вписывается в научно-позитивистскую идеологию XIX–XXI веков. Будущее — в прошлом. Желание доктора, о котором он заявляет еще до начала работы с Орром, — спасти мир, сделать его лучше. Убедившись в том, что сновидения пациента действительно меняют внешнюю реальность, доктор начинает исправлять мир, внедряя в сны (*dreams*) пациента свои желания (*dreams*). Начинает улучшение мира доктор Уильям Хэйбер с создания через сон пациента Института онейрологии имени доктора Уильяма Хэйбера. Джордж Орр понимает, что доктор не снимает его симптом, а паразитирует на нем. «Безграничная власть — это безграничная опасность!» — говорит он, но сделать ничего не может, ведь к этому доктору его направили госорганы; стремление избавиться от Хэйбера ни к чему не приводит. В ответ на все свои попытки прекратить эксплуатацию Орр слышит лишь одно: «Я тебя вылечу, мы преодолеем твои сопротивления». Ужас положения состоит в том, что изменения в мире происходят не тогда, когда они происходят, а *как бы* в прошлом, задним числом, так что они воспринимаются окружающими как уже данность. Люди ничего не помнят о прошлом. Они уверены в своем забвении. Исчезновение 6 миллиардов человек с лица земли доктор объясняет пациенту следующим образом: как, разве ты не помнишь, что пять лет назад была эпидемия чумы? Не помнишь — значит ты больной. Но ничего, я тебя вылечу. И вновь навязчивые вопросы: «Почему ты сопротивляешься? Почему ты чувствуешь свою собственную силу?».

Соппротивление, тем самым, отождествляется с собственными силами. Даже на экране монитора появляется «объективная» надпись «Пациент сопротивляется» (patient resisting). В конце концов доктор с помощью пациента удовлетворяет свое последнее желание — создает Дворец сновидений и онейромашину, воспроизводящую мозг Джорджа. После чего, разумеется, он преодолевает сопротивление пациента и избавляет его от симптома, просто пожелав ему увидеть во сне избавление от способности видеть сны, меняющие реальность. «Ты — просто инструмент, а я знаю, что делаю с научной и моральной точки зрения», — говорит пациенту на прощание доктор. Американский шринк, этот «психоаналитик» будущего, *знает, как надо*. Он опирается на собственный бред всемогущества.

Соппротивление Нарцисса

Соппротивления психоанализу были связаны не столько с научными новшествами, о которых Фрейд пишет вначале статьи, сколько с тем, что новшества эти своим содержанием наносят удары по нарциссическим представлениям человека. Человек уже пережил подобные оскорбления дважды. Один раз — в связи с космологическим открытием Коперника. Второй раз — в связи с биологическим открытием Дарвина. Фрейд наносит третий и самый болезненный, психологический удар. Сам он пишет об этом трижды — в восемнадцатой лекции по введению в психоанализ (1916), в статье «Трудности психоанализа» (1917) и, наконец, в «Соппротивлениях психоанализу» (1925): «Психоаналитическое учение о соотношении между сознательным *я* и гораздо более сильным бессознательным означало тяжелый удар по человеческому самолюбию, который я назвал психологическим и присоединил к биологическому удару, нанесенному учением о происхождении человека, и к более раннему космологическому, нанесенному открытием Коперника» [19].

Итак, Фрейд наносит удар по нарциссизму, «по человеческой мании величия», указав на то, что *я* «не является даже хозяином в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно»³⁰. Более того, само это *я* — не целостно ни по своему происхождению, ни по своим функциям: «*Я* может взять себя в качестве объекта, обращаться с собой, как с прочими объектами, наблюдать себя, критиковать и бог знает что еще с самим собой делать. При этом одна часть *я* противопоставляет себя остальному *я*. Итак, *я* расчленимо, оно расчленяется в некоторых своих функциях, по крайней мере, на время. Части могут затем снова

³⁰ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ; *Он же*. Введение в психоанализ. Лекции. — М.: Наука, 1989. — С. 181.

объединиться»³¹. Такое представление психики «ведет подкоп под один из прочнейших бастионов современной культуры, а именно — под понятие автономного индивида»³². Вот почему то, что называется «современным психоанализом» первым делом реставрирует целостного субъекта. Вот почему учение Фрейда о психике немедленно превращается в удручающую Лакана «социологическую поэму об автономном эго». Поэму эту можно назвать *и психоанализ цел, и нарциссизм сьт*. «У вас есть иллюзия личной психической свободы, и вы не хотите от нее отказаться»³³, — говорит Фрейд. Зачем же от нее отказываться! — слышит он в ответ. — Кого волнуют ваши удары? Если мы Дарвину не поверили, то неужто поверим вам?! Нам Чингисхан с Фантомасом больше по душе — вечной, великой и неделимой душе.

Нарциссизм рассеивается. За ним — ничто. Даже не фантазм распавшегося тела. За ним — бездна. «Именно бездна, разверзающаяся при мысли, что мысль отзывается в бездне, и стала главной причиной неприятия психоанализа»³⁴. Соппротивление психоанализу — эхо в этой бездне.

³¹ Фрейд З. Продолжение лекций по введению в психоанализ // Там же. — С. 335.

³² Маркузе Г. Эрос и цивилизация. — Киев: Port-Royal, 1995. — С. 52.

³³ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. — С. 28.

³⁴ Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. — М.: Русское феноменолог. об-во, Логос, 1997. — С. 79.